

КУЛЬТУРА

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

СЛУЧИЛОСЬ так, что Ольгу Николаевну Андровскую — одну из самых удивительных актрис второго поколения МХАТа — я увидела впервые в счастливый для всей нашей страны день, 9 мая 1945 года, когда площади Москвы бушевали от ликующих людей. МХАТ заменил намеченный спектакль «Анна Каренина» на «Женитьбу Фигаро». И, совершенно ошеломленные, — восторгом, весной, миром! — мы, несколько девчонок-девушек-классниц, выстоявшие бессонную ночь за билетами, оказались наконец в святой святых тогдашнего театрального искусства — пуритански строгим здании МХАТа.

Соприкосновение с этим театром было чудом. Чудом, которое люди нашего поколения десятилетиями несут через жизнь. И чудом был сверкающий, размахистый в своей талантливости и одновременно ослепительно изящный, нарядный, карнавално-красочный спектакль, который мы увидели в тот вечер. Шевченко — Марселина, Яншин — Антонио, Степанова — графиня, Комиссаров — Керубино — актеры играли так, словно где-то внутри них разорвалась петарда, начиненная счастьем, озорством, искренностью. Не было досадных случайностей. Малюсенькие роли (Бендина — Фаншетта!) превращались в шедевры. А в центре этого пиршества актерских удач, головокружительных режиссерских находок, красок, ритмов, изысканности музыкальных решений по праву царствовала Андровская — Сюзанна, искрящаяся умом, энергией, весельем, любовью к Фигаро, ни с чем не сравнимым чисто женским очарованием.

Стихия комедии — бурлящей, радостной, звонкой — определила характер дарования Андровской. Проходят десятилетия, время смывает в памяти самые прочные ощущения, но смех героинь этой актрисы, их ясные лица, насмешливо-ласковые глаза не тускнеют до сих пор. Ее героини, как правило, очень цельные, активные по складу характера, несли в себе целый мир разительного веселья, гармонически радостного ощущения жизни, волевого к ней отношения. Они умели бороться, настаивать, добиваться. Они очень точно выражали собой приметы счастливого жизнеутверждения, свойственного молодым, довоенным годам нашей страны.

Народная артистка СССР Ольга Николаевна Андровская начала свой творческий путь более пятидесяти лет назад. В 1918 году, бросив занятия на Высших юридических курсах, куда поступила по настоянию отца, крупного московского адвоката, Андровская становится сотрудницей популярного тогда в столице театра Корша. У Корша была собрана блестящая труппа. Периодически в ней возникали легендарные имена: знаменитый комедийный актер Н. М. Рагин, одна из лучших актрис России М. М. Блюменталь-Тамарина, будущие корифеи МХАТа: В. О. Топорков, А. П. Кторов, В. Н. Попова и другие. Работа у Корша сразу ставила вчерашнюю гимназистку, студентку в положение партнеров прославленных мастеров. По ним невольно равнялись все остальные, и это вело к отличной профессиональной выучке. Вместе с тем общий стиль жизни театра Корша был противопоставлен планомерному принципу развития юного дарования. Пьесы в репертуаре менялись с ошеломляющей быстротой. Чаще всего они были случайными для театра по смыслу и довольно посредственными по качеству. И хотя роли молодая актриса получала в изобилии, они, как правило, оказывались такими неинтересными, что ничего не давали ей творчески. Публика вскоре заметила разительность комедийного дарования, очаровательные внешние данные новой исполнительницы, но Андровской было мало такого рода успеха. Она хотела серьезной, большой работы, глубокой профессиональной подготовки. И она ушла от своего первого успеха от МХАТ с его строгостью атмосферы и священнодействием на сцене.

люди искусства

ВЛАСТЬ ОБАЯНИЯ

не, ушла на скромное положение студийки.

Этот поступок не был случайным. С детства, когда в дом отца приезжал его друг Л. В. Соборов, а позже, когда с уроков в гимназии девочка бежала в семью своей закадычной подруги Риты,

огромном доме Фамусова Лиза Андровской одна признавала, что представляет собой этот юноша, всей душой тянулась к нему. А ведь Лизу до Андровской самые лучшие русские актрисы играли как кокетливую субретку, брызжущую весельем и ост-

И. МИХАЙЛОВА

дочки актрисы Малого театра Е. Д. Турчаниновой, она столкнулась с благоговейным и подвижническим отношением к искусству, которое несли в себе эти великие русские артисты.

Андровской редкостью повезло в годы учения. Во второй студии, куда она попала, занимались все самые крупные впоследствии актеры среднего поколения МХАТа. Ее товарищами по школе стали Клавдия Еланская, Николай Хмелев, Николай Баталов, Алла Тарасова, Михаил Яншин. Молодую студийку рано заметил Константин Сергеевич Станиславский и еще в годы учения предложил ей одну из самых интересных ролей во всем русском классическом репертуаре — Лизу из «Горе от ума».

Так началась подлинная сценическая судьба актрисы. Про Андровскую часто приходится слышать, что ее актерское мастерство своей искристой изысканностью, особым, ей присущим элегантно-напоминает скорее французскую, нежели русскую театральную школу. Думается, это в корне неверно. Ольга Андровская действительно оказалась непревзойденным виртуозом разительного-веселого, остроумно-изысканного комедийного жанра. Однако разве только этим примечательно ее творчество? Разве не несет оно в себе тот неповторимый душевный гуманистический настрой пристального, мягкого, чуткого внимания ко всем деталям и сложностям внутреннего мира человека, который, в первую очередь, присущ русскому искусству? Лиза в «Горе от ума» недаром открыла галерею более поздних созданий актрисы. Удивительная сердечная наполненность отмечала у Андровской эту простую, ясную душу девушки. И еще одно, никем раньше не подмеченное свойство открыла Андровская у своей героини. Здоровый крестьянский ум девушки, ее чисто народная приметливость и незамутненность взгляда на жизнь делали ее единственно близким Чацкому человеком. Во всем

роумием, вышколенную горничную большого барского дома. И вдруг новая трактовка, как раз ничего не имеющая общего с блестящей, но несколько внешней, так называемой французской манерой комедийного исполнения.

Вслед за Лизой пришла Сюзанна из «Женитьбы Фигаро». И опять не виртуозное мастерство становится самоцелью актрисы, а народная, здоровая демократическая основа образа!

Ее энергия была через край, ритмы поражали, лукавство и очарование были безграничны. Поистине Сюзанна, оживленная, смешливая, верная, запальчивая, была истинной душой этого удивительного спектакля.

Незадолго до войны Андровская сыграла еще одну роль, близкую по складу тому, что она делала в Лизе и Сюзанне. Это была леди Тизл из комедии Шеридана «Школа злословия». С запальчивостью провинциалки оживает леди Тизл новомодные повадки, стремится не отстать от приятельниц в самом бурном образе жизни. Зачем ей это нужно, она и не задумывается по юности, по душевной неискушенности. Зато когда понимает, куда чуть было не увлекли ее злые розыгрыши ложных друзей, с редким прямотой и достоинством настаивает на собственном взгляде на жизнь.

За время долгого сценического пути у Андровской было еще несколько ролей, где ее тема очень цельно, прямолинейно, активно доброго человека, весело и храбро шагающего по всяческим испытаниям жизни, звучала в полный голос. Такой была ее Варвара в «Грозе», вольнолюбивая, звонко-голосая, деловитая и настойчивая. Такой оказалась ее киногероиня, насмешливая певунья Варенька из «Человека в футляре».

Однако замыкать дарование Андровской только в рамках одной, хотя и значительной, темы было бы неправильно. Стихия жизнеутверждения не исчерпала меру возможностей актрисы.

Не менее яркой стороной ее таланта оказалось сатирическое начало.

В спектакле «Реклама» по пьесе американской писательницы М. Уоткинс Ольга Николаевна Андровская сыграла роль Рокси, женщины, в равной степени наделенной редкой, почти вызывающей красотой и темными, чисто животными инстинктами. Андровскую чрезвычайно заинтересовал этот чудовищный в своей олушечности и испорченности человеческий тип. Актриса сразу поняла, что корень явления — социального порядка. И именно так, со злой разоблачительностью, сыграла очаровательную, но страшную в какой-то первородной порочности героиню «Рекламы».

В тридцатые годы появился еще один образ потрясающей разоблачительной силы, созданный Андровской в пьесе К. Тренева «Любовь Яровая». Это машинистка Панова, затаившаяся в птабе красных умный, злой, сознательный враг молодой Советской республики. Актриса отнюдь не облегчала себе задачу. Она играла Панову сильным, значительным человеком, наделяла ее женской привлекательностью и обаянием. И только в двух-трех местах, таких, например, как сцена опьянения, вдруг очень четко останавливала внимание зрителей на поразительной детали — большие, красиво подведенные глаза Пановой оказывались совершенно пустыми, погасшими. И тогда не спасали ни элегантность серого парижского туалета, ни светские манеры хорошо воспитанной женщины: внутренняя опустошенность, цинизм — вот что оказывалось побудительными причинами действий Пановой. Вот каков был ее нравственный багаж.

Из той же породы стяжательниц и растлителей, нравственных глухонемых, порожденных социальными условиями жизни, оказалась и миссис Чивли в послевоенном спектакле «Идеальный муж». Что-то очень тревожное было уже во внешнем облике этой женщины — ядовито-зеленое платье, яркий рыжий шиньон, тигриная, с трудом сдерживаемая энергия в движениях, повадке. На поверку экстравагантность оказывалась ненадежным прикрытием шаткого положения. И уже откровенной вульгарностью отдавало то цепкое, звериное движение, которым миссис Чивли пыталась сорвать браслет, захлопнувшийся на ней, как капкан.

И опять надо сказать, что роли сатирического плана отнюдь не исчерпали диапазон удивительного таланта Андровской. Потому что была еще Маша в «Трех сестрах», которая, хотя и не вошла прочно в сценический обиход актрисы, но заявила своим появлением о многом и неожиданном. И была Любовь Андреевна Раневская из «Вишневого сада», бестолково-милая, жалкая, интеллигентная и обаятельная прожитая женщина жизни умирающей барской усадьбы.

Каждый шедевр, который создавала актриса, отделен от другого годами, иногда десятилетиями. Но любая новая роль Андровской — это событие, явление в области театрального искусства. Она — одна из самых горячо и искренне любимых публикой, народом актрис МХАТа. Все свои роли она играет каждую на уровне шедевра, так, что они навсегда остаются в числе наиболее выдающихся созданий русского сценического искусства.

Андровская! Когда называешь это имя, люди вокруг начинают радостно улыбаться. Наверное, они вновь проживают счастливые моменты соприкосновения с ее умным, изящным, жизнелюбивым талантом, подарившим всем нам столько наполненных высоким очарованием минут и часов. Народной артистке СССР Ольга Николаевна Андровской на днях исполняется 75 лет. А в памяти моей по-прежнему звучит залихватский смех ее Сюзан, иронические интонации песенки о голубке и горлице из «Школы злословия»... И, главное, непреходящей остается молодость этой актрисы, ее ослепительная, сверкающая улыбка, открытый, ясный взгляд умных и прекрасных глаз.

Фото И. Александрова.